

АНДРЕЙ КВИНОВ

Опер
Ларин

Андрей Владимирович Кивинов
Страховочный вариант
Серия «Улицы разбитых
фонарей», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=128861

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Кивинов

Страховочный вариант

*«Смотри, это гуляют те, кто посеял деньги на
Поле чудес. Сегодня последняя ночь, когда можно
сеять. К утру соберешь кучу денег и купишь
всякой всячины...»*

А. Н. Толстой «Золотой ключик»

ГЛАВА 1

Этот звук раздражал меня больше всего на свете. Он исходил от такой ярко-рыжей штуковины, располагающейся на моем столе и именуемой телефонным аппаратом. И раздражал меня даже не противный тембр звонка и не этот безумный рыжий цвет, а несомненно положительное качество так не вовремя звонить. Этим качеством телефон изрядно напоминал мой домашний будильник, и поэтому я по инерции сначала бил по телефону ладонью, а уж только потом снимал трубку.

Так или иначе, именно в тот момент, когда я было, склонив голову на стол, погрузился в сладкую дрему, эта штука тут же зазвенела, прервав мой так толком и не начавшийся сон. Телефон соединял напрямую мой кабинетик с дежурной частью отделения милиции.

Было часов девять вечера, мои коллеги и начальство давно разошлись по домам, а я дежурил до ноля часов, мечтая о тёплой постели в своей однокомнатке, приятных снах и предстоящих выходных. И вот этот звонок. Конечно, может, дежурный захотел поинтересоваться моим самочувствием или узнать о расположении военных сил на армяно-азербайджанской границе, но сильно рассчитывать на такое стечение обстоятельств не приходилось, обычно в это время он может лишь сообщить о какой-нибудь гадости, случившейся на территории.

Короче, ударив по привычке рукой по трубке, я снял её и пробормотал:

– У аппарата.

– Кирилл, ты на месте?

– Нет, я в Голливуде.

– Кончай острить, у нас огнестрельное уличное, давай одевайся, машина ждёт. Заявка от граждан поступила. Мужик жив ещё, узнай, что там такое.

Дежурный положил трубку, даже не дав мне возможности прокомментировать это выступление.

Я выглянул в окно. Метель в бешеном вихре кружила снежинки, задувала в щели окон и завывала, как безумная голодная собака. Я поёжился. В такую погоду ехать на какое-то огнестрельное, на морозе скрюченными от холода пальцами писать протокол осмотра, а если, не дай Бог, есть свидетели, то опрашивать их, искать понятых, уговаривая их выйти

из тёплых квартир на мороз. Эти стрелки что, не могли тёплую погоду для дуэли выбрать или хотя бы дневное время суток? Идиоты. Если что-то серьёзное, прощай, тёплая постель, здравствуй, холодная ночь, нервотрепка, а в лучшем случае, кошмарный сон на раскладушке в неотапливаемом кабинете.

Я вздохнул, побросал чистые листы в папку, надел свой тулупчик и перчатки и побрёл в дежурную часть. Дежурный В накинута на плечи шинели кому-то уже докладывал о стрельбе, постовые, зашедшие в отделение погреться, весело балагурили, рассказывая друг другу старые анекдоты.

– Кирилл, водитель в машине. Сразу отзовонись с места, мне докладываться надо.

«Отзвонюсь, отзвонюсь», – зло подумал я. А чего я, собственно, дуюсь? Дежурный-то не виноват, что там в кого-то пальнули, у него своя работа – обеспечить мою доставку на происшествие и передать информацию руководству. А у меня, увы, своя. Но меня никто и не заставлял идти на работу в милицию. Неизвестно, где бы я сейчас был, если б шесть лет назад всё-таки доучился в медицинском институте. Может, точно так же дежурил бы где-нибудь в больнице и бегал бы по вызову медсестры к какому-нибудь отдающему концы больному. Всё время должен кто-то дежурить, к сожалению, без этого нельзя.

Уазик урчал, выплёвывая в морозный воздух клубы белого пара. Я сел рядом с водителем, и машина тронулась.

– Вася, ты подробности знаешь?

– Да нет. Позвонил мужик, сказал, у дома гражданин лежит, за живот держится. Подошёл, думал, плохо, а тот весь в крови. Стонет, говорит, застрелили.

– Ну, раз говорит, значит, ему ещё не очень плохо. Может, пацаны баловались самострелами. Знаешь, видиков насмотрелись про полицейских и палят почему зря. Случайно попасть могли.

Водитель с ухмылкой посмотрел на меня. «Дворники» со скрипом счищали снег с лобового стекла. Вася не гнал машину – опасно, снегопад.

Но, тем не менее, мы прибыли раньше «скорой помощи». Возле девятиэтажного дома-корабля на протоптанной дорожке стоял мужчина, размахивая руками и таким образом давая нам знать, что вызов не ложный. Уазик плавно тормознул у крайнего подъезда.

Мы вышли из машины и направились к потерпевшему. Тот лежал на боку, поджав ноги к груди, и тихо стонал. Самое интересное, что был он без верхней одежды и в домашних тапочках. Я нагнулся и руками распрямил его ноги. Как врач, я сразу понял, что самострелом там и не пахло. Даже пистолетом. Как минимум заряд картечи из охотничьего ружья. Удивительнее всего, что при таком ранении парень не умер сразу, а был ещё в сознании. Он уже не стонал, а хрипел, выплёвывая изо рта кровавую пену на снег.

Что должен сделать сотрудник милиции, прибывший на

место происшествия? Оказать первую помощь потерпевшему. Поэтому я быстро раскрыл свою папку, извлёк из неё чистый лист, сунул парню авторучку и произнёс:

– Подписывай! Я потом запишу всё, что нужно. Давай, быстро!

Парень на секунду смолк, взглянул на меня водянистыми глазами, в которых застыло удивление, взял окровавленными пальцами ручку и вывел внизу листа свою подпись, после чего снова захрипел. Я спрятал лист в папку, положил её на снег и позвал водителя, который в это время беседовал с вызвавшими милицию гражданами.

– Вася, помоги, давай его в подъезд, там тепло.

Мы осторожно подняли его, хотя, конечно, с таким ранением делать этого нельзя, и перенесли в подъезд.

Подъехала «скорая». Выбежала врач в полушубке и с чемоданчиком в руке. Я раскрыл перед ней дверь, сам оставшись на улице. Выжимать что-либо из потерпевшего было бесполезно. Он уже был без сознания. Гуманная природа облегчила его страдания, выключив все рефлексy, кроме поддерживающих жизнь. Я подошел к уазу, позвал мужичка и расспросил его, как всё получилось.

Ничего хорошего он мне не рассказал. Минут пятнадцать назад он возвращался домой от метро. Проходя мимо дома, он услышал стон и увидел мужчину, который только и смог, что сказать: «Застрелили, гады!» – и, кажется, что-то ещё насчёт того, что «абзац пришёл». После этого гражданин вы-

звал из телефона-автомата милицию и «скорую». Вот, собственно, и всё. Не густо. Я записал данные мужика и попросил подождать, пока напишу протокол. Из подъезда санитар и водитель вынесли на носилках парня и стали загружать в машину. Я подошёл к врачу и вопросительно посмотрел на неё.

– Час, не больше, – как бы прочитав мои мысли, произнесла она.

– Куда его?

– В Институт скорой помощи.

– Телефонограмму отправьте.

Я записал номер «скорой», зашёл в подъезд и позвонил в одну из квартир. На логичный вопрос «Кто там?» я ответил:

«Советская милиция», – и попросил разрешения воспользоваться телефоном. Войдя в квартиру, я набрал номер на указанном мне телефонном аппарате и, услышав ответ, сухо произнёс:

– Это Ларин. Огнестрельное ранение в живот, данных потерпевшего пока нет, увезен на «скорой», ещё жив. Если что, я по телефону... – Посмотрев на табличку, я продиктовал номер. – Всё, отбой,

Я положил трубку и, повернувшись к живущей в квартире женщине, спросил, не слышала ли она ненароком выстрела минут двадцать назад.

– Вы знаете, если и слышала, то внимания не обратила. У меня окна на проспект выходят, машины шумят постоянно.

Да и окна сейчас заклеены.

– А парня лет двадцати пяти, блондина с рыжими усами, невысокого, случайно в вашем подъезде не знаете?

– Кажется, на пятом этаже такой живёт. У нас на площадке точно нет.

– Хорошо. Просьба, если мне позвонят, найдите меня, пожалуйста.

Я вышел из квартиры. Парень умер не сразу, значит, оперативная группа не приедет, всё надо будет делать самому. Водителя придётся отпустить, машина одна на отделение, а заявок много. Господи, затем по квартирам ползать, затем протокол писать. Ну почему, как только я дежурю, обязательно что-нибудь случается из ряда вон? И обиднее всего, не на моей территории. Хорошо, если дежурный догадается прислать участкового в помощь. Правда, с другой стороны, хорошо, что группы не будет. А то приедет какой-нибудь прокурорский следователь через пару часов с медиком и экспертом впридачу и будет командовать – сбегай туда, сбегай сюда, найди того, найди сего. Нет уж, лучше я сам протокол напишу. Да и писать там не так уж и много. Описать пару кровавых пятен на снегу, и всё.

Ну что, для начала на пятый этаж. Установить личность потерпевшего – первейшая задача и обязанность при раскрытии неочевидного преступления. Раскрывать я, конечно, ничего и не собираюсь, сделаю сейчас всё, что можно, и передам материал оперу, который за эту территорию отвечает.

Лифт ждать я не стал, а поднялся пешком, таким образом немного согревшись. На нужном мне этаже, как, впрочем, и на всех других, оказалось четыре квартиры. Оглядевшись и решив, что метаться от двери к двери не стоит, я подошёл к ближайшей и нажал звонок. Тишина. Динамический стереотип дёргать ручки. Дёрг, дёрг. Ну вот, и не заперто. Я, кстати, так и думал. Значит, угадал. Замок на предохранителе. Я уверенно шагнул внутрь, вытащив на всякий случай свой пистолет. Вдруг коварный убийца притаился где-нибудь в ванной или в сортире, а то и в шкафу? Но, увы, в двухкомнатной квартире никого не было. Я не стал сразу обзванивать соседей, это никогда не поздно. Лучше сначала всё посмотреть самому, оценить и взвесить. Не подумайте ничего плохого, слова «оценить» и «взвесить» я вовсе не отношу к ювелирным изделиям, могущим быть в квартире. Знаете, много всяких слухов про милицию – пьяных обирают, золото на обысках воруют и тому подобное. Фактики эти, конечно, кое-где у нас имеют место быть, но ко мне это никоим образом не относится. Оценить я, прежде всего, собираюсь находки, которые могли бы подсказать, за что хозяин этого жилища получил заряд картечи в живот. Начнём, посему, не мешкая.

Мужик, судя по всему, холостой, как и я. Но если я стараюсь следить за поддержанием минимального порядка, то потерпевшему, видимо, до этого не было никакого дела. Не буду докучать вам описанием обстановки, замечу лишь

вскользь, что раскидывать по полу использованные презервативы является, с моей точки зрения, верхом невоспитанности.

Открыв створку бара-секретера, я без труда обнаружил в нём паспорт хозяина, идентифицировал фотографию с натурой, увезённой в больницу и кинул документы в папку. Так, это большой плюс. Теперь бы как-нибудь узнать, где товарищ трудится, если трудится вообще. Может, он безработный, а может, даже и с этим завязал. Глядя на обстановку, я бы не сказал, что он занимал высокие посты, но и нищим, впрочем, тоже не был. Что-то среднее. Видик есть, но не фирма, мебель древняя, магнитофончик «Маяк». Пара журнальчиков с девочками, банка немецкого кофе, сигаретки «Морэ», две рюмки на столе. В одной коньячок недопитый, значит, кто-то в гостях был.

Порывшись в секретере, я не нашёл ничего интересного. Про места работы нигде написано не было, записные книжки отсутствовали. На обоях возле телефона было начирикано несколько номеров, которые я переписал к себе в блокнотик. Потом достал сигарету из пачки на столе и прикурил. Только тут я заметил, что не выключен телевизор, по которому шла занятная передача «Поле чудес».

– А вот сектор «Приз»! Мы играем или не играем?

– Мы не играем, – ответил я за счастливого и угадал. Тот потребовал приз.

Полгода назад в этой передаче, за вращающимся бараба-

ном я увидел одного судимого со своей территории, который почему-то представился рабочим. Кто-кто, а он к этому названию уж никак не подходил. Мало того, этот «труженик» ещё и находился во всесоюзном розыске. Как он ухитрился попасть на передачу, я так тогда и не понял. От неожиданности я схватил телефон и стал названивать в Москву на телевидение с просьбой задержать игрока. Но мне популярно объяснили, что сделать этого не могут по причине трансляции передачи в записи. Я, помню, искренне огорчился. Радовало одно, что моему знакомому не повезло, до финала он не дошел. Зато повезло ведущему – я бы не удивился, если бы проигравший просто-напросто достал нож и отобрал бы все призы и деньги, а ведущему набил бы, пардон, морду. Но всё обошлось. Правда, месяца три спустя «рабочий» подсел за разбой. Видно, решил отыгаться за неудачу в телешоу на мирных гражданах.

Я курил «Морэ» и строил в голове дальнейшие планы. Главное, чтобы выходные не отменили, это было бы обиднее всего, из-за какой-то пальбы портить людям отдых. И второе – хорошо бы найти стрелка и попасть в новогодний приказ на поощрение. Поощрение мне не светило, но могли бы снять предыдущий приказ о взыскании.

Я ещё раз открыл паспорт – Комаров Михаил Евгеньевич, 27 лет, уроженец Ленинграда, не женат, судя по прописке, не сидел, группа крови – два, резус отрицательный. Почти как у меня. Что же ты, Михаил Евгеньевич, к кому ни попадая в до-

машинных тапочках выходишь? Сначала надо спрашивать: «А что у вас, ребятишки, в руках? Нет ли случайно ружья или ещё какой ерунды?» А уж потом беседу зачинать. Какой-то народ у нас доверчивый. Мало того, что вышел на мороз без бронежилета, так ещё и двери не закрыл. Но кажется, засиделся я в гостях. Пора бы и честь знать. Сейчас обзвоним соседей и соседок и пойдём в отделение строчить справку о проделанной кропотливой работе. Ах да, протокол. А, чепуха, в кабинете напишу. А стоит ли его вообще писать?

Я вышел, захлопнул на «собачку» двери и позвонил в квартиру напротив.

– Кто?

«Начинается, – подумал я. – Пытка „верю – не верю“. Сейчас начнём через дверь на весь подъезд орать».

– Милиция!

– Зачем?

– Поговорить надо. (Ну прямо как в анекдоте про еврея.)

– Днём приходите.

– Мне сейчас хочется.

– А что случилось?

Что ни говори, а приятно напрягать простуженные голосовые связки, отвечая через дверь на всякие глупые вопросы.

– Да откройте вы, не бойтесь. Соседа вашего застрелили, не откроете – и вас застрелят!

– Господи.

Замок лязгнул, и за цепочкой показалось напуганное женское лицо. «И опять сектор „Приз“!» – раздался радостный голос из телевизора. Я сунул в щель обложку с гербом бывшей РСФСР и улыбнулся доверчивой улыбкой. Не, ничего мы живем. Полчаса назад соседа мочканули, а все сидят по квартирам, «Поле чудес» смотрят. Да тут у вас такие чудеса творятся, ни в одном шоу не увидишь. Наверняка же грохот от выстрела на весь подъезд слышен был. Ну и что? Мы сидим, никого не трогаем, так и вы нас не троньте. Раз застрелили, значит, было за что, и просьба нас не впутывать. У нас «Поле чудес».

Дверь наконец открылась, я зашёл в пропахшую нафталином прихожую, достал паспорт и спросил:

– Знаком?

Пока гражданочка изучала фото, из комнаты вышел толстый кот и принялся тереться о мои ноги. Почему-то толстые коты были неизменным атрибутом квартир, пахнувших нафталином.

– Что-то не припомню.

– Да что тут припоминать? Сосед это ваш, из квартиры напротив.

– Миша, что ли? А ведь не похож.

– Как не похож? Он это, только в шестнадцать лет, в двадцать пять паспорт не продлил, забыл, наверное. Кто он у нас по «облик аморале»?

– Не поняла.

– Ну, чем знаменит, кроме того, что жилплощадь в тридцать квадратных метров занимает? Работа, родственники, дамочки, друзья-приятели?

– Вы бы прошли, а то неудобно в прихожей,

– Ничего, я не надолго, – ответил я, резонно рассудив, что при прохождении в комнату запах нафталина резко усилится.

– Миша в бане работает, сторожем.

– В какой бане?

– Не знаю, в центре где-то.

– А родственники?

– Он с матерью жил, но она померла в прошлом году.

– Ну а по жизни парень-то ничего?

– Да как вам сказать? Он всю жизнь у нас на глазах. Мальчишка как мальчишка. Правда, как мать умерла, выпивать стал, девок таскать, но хулиганства не допускал. Не то что с восьмого этажа Серега – как напьётся, так буянит. Миша тихий.

Женщина прислушалась к телевизору.

«Ладно, ухожу, ухожу», – подумал я, поняв, что соседку больше интересует содержимое чёрного ящика. Вот так. Всю жизнь на глазах, а застрелили, и дела нет. Я сам, конечно, не идеал, но если бы моего соседа грохнули, то хотя бы из приличия да поинтересовался о его здоровье.

– Извините, всего доброго, спасибо.

– Да ничего, не за что.

Я вышел на лестницу и выглянул в окно на площадке. Мужик, вызвавший милицию, всё ещё стоял, приплясывая на морозе. Ах, точно, я ведь попросил его подождать. Интересно, кто он? Другой бы плюнул давно и пошёл домой. Я спустился вниз и подошёл к нему.

– Ну что, есть что интересное? Нашли, откуда он? – спросил тот, заведя меня.

– Нашёл, но ничего интересного нет.

– Вы знаете, я сейчас вспомнил. Я когда к дому подходил, от него иномарка отъехала, кажется, «Опель» серебристый, я разбираюсь немного. Она ещё в сугробе, вон там на углу, буксовала, потом вылезла и укатила. Может, она к делу отношение имеет?

– Может. А в машине никого не заметили?

– Нет, темно сейчас, да я и внимания не обращал, «иномарок» сейчас много.

– И примет машины не помните? Мужчина виновато пожал плечами.

– Спасибо за информацию, идите домой, если что, вас вызовут.

Мужчина поднял воротник и засеменил прочь от дома.

Я на секунду задумался, потом догнал его и спросил:

– Простите, а кем вы работаете?

– Я ещё никем не работаю, только что освободился, сидел по сто второй...

ГЛАВА 2

Я вернулся в отделение. В дежурку уже поступила телефонограмма из Института скорой помощи. Комаров скончался, не приходя в сознание. По предварительному диагнозу – огнестрельное ранение, поражение кишечника, печени, желудка и других органов. Убийство. Если информацию уже передали в Главк, поднимется кипёж. Хотя, может, и не поднимется. Убийство сейчас не редкость, по несколько на дню. Года четыре назад тут бы уже все на ушах стояли, а сейчас – ничего. Дежурный пальцы греет о батарею, помдеж книжку читает. Сейчас заштампуют телефонограмму, и будет она все выходные в книге происшествий лежать до прихода опера, который ещё дней через десять отправит её в прокуратуру для возбуждения уголовного дела. На этом розыск преступников закончится. Но не я эту систему выдумал, не мне её и менять. Раз такое положение вещей существует, стало быть, оно всех устраивает. Всех, кроме, может быть, потерпевших. Я не имею в виду сегодняшний конкретный случай. Комарову уже ничего не надо. Похоронят за госсчет, квартиру разворуют, если родственников не сыщется, и на этом поставят точку. Был ты, а теперь – нет.

Я вздохнул и отправился к себе в кабинет.

Выходные пролетели незаметно. Два дня я просидел дома, читая детективы, греясь у самодельного камина и слушая

«Европу-плюс». Выходить на улицу в такой мороз чертовски не хотелось. Слава Богу, меня туда никто и не тащил. Со службы не звонили и выполнять долг не приглашали.

В субботу я позвонил Вике, одной моей хорошей знакомой, но её не было – возможно, уехала за город покататься на лыжах с Бинго. Бинго – это её ньюфаундленд, а совсем не хахаль. Хахаль у неё я, но я на лыжах катаюсь не очень, так же как и на коньках.

Утром в понедельник я сидел на сходке у Мухомора (подпольная кличка моего шефа) и слушал информацию за прошедшие выходные. Работа в уголовном розыске, с отделения и до Министерства, начиналась каждый день одинаково – с утренней сходки. Здесь, помимо рабочих вопросов, обсуждались и житейские – у кого что случилось, кто сколько выпил и кто только собирается. Опера, как правило, с грустными минами, слушали нотации руководства, реже похвалы, а ещё реже предложения отдохнуть или сходить в ресторан.

Я скучающе сидел на стуле среди пятерых коллег по оружию и слушал сводку.

– Кирилл, – обратился ко мне Мухомор, – я огнестрельное тебе отписал, Филиппов заболел, что-то с горлом. Ты, собственно, и выезжал, объяснять ничего не надо.

«Весело, – подумал я, – у Женьки горлышко, видишь ли, заболело, а я его убийство раскрывать должен. Я ему после сходки позвоню, устрою разгон. У меня тоже горло болит».

Но с Мухомором спорить не имело смысла, только лиш-

ний раз выслушивать лекцию про низкую раскрываемость.

– Там выходы есть какие-нибудь?

– Не знаю, как насчет выходов, но вход там хороший, в полживота.

– Всё остришь? Доостришься. Конец года, а ты со всеми долгами рассчитался? Дела оперучёта все завёл? Смотри, чтобы как в прошлом году не было, из-за тебя одного всё отделение вздрючили.

Ну, это, конечно, перебор, в том году никто вовремя бумаг не сдал. Но Мухомуру тогда точно влетело. Вот он теперь и перестраховывается. Чёрт с ними, с преступлениями нераскрытыми, за них сейчас не так долбят, как раньше. Но вот за дела незаведённые по головке не погладят. А кому эти дела нужны? Точно не мне. Дела – это страховочный вариант для начальства. Если приедет проверка – можно сослаться:

«Вот Ларин дело завёл, его и проверяйте». А не будет дела – тут Мухомуру отвечать придётся. Поэтому он и бесится. Кто, интересно, вообще эти дела придумал? Зачем – это понятно. Это своего рода крюк для подчинённых. Надо кого-то сроч-ненько с должности скинуть – приезжает проверка и начинается в делах ковыряться. Что-нибудь да накопят. А если дел не будет, то и покопаться не в чем и зацепиться не за что. А так полистали, посмотрели и придрались: «А почему этой бумажки нет, а почему той нет? Не умеете руководить, значит. А раз так – освободите место». Операм при этом тоже достаётся. Стало быть, для одних дела – палка, плеть, для

других – страховка, а для третьих – заваленные макулатурой сейфы. Как же без дел? Нельзя...

– Всё понял? – перебил плавный ход моих мыслей Мухомор.

– Всё.

Сидевший напротив опер Шурик Антипов улыбнулся. Шурик у нас молодец, все бумажки вовремя пишет, правда, не раскрывает ни фига, но почему-то во всех приказах на поощрение присутствует. Как ему это удаётся? Наверно, люди, умеющие хорошо писать бумажки, нужны любому начальнику, а потому их ценят.

– Между прочим, там канцелярия обижается – у Ларина больше всех долгов, – как бы невзначай вставил он.

«Ну, спасибо, Шурик, – подумал я, – добрая душа. Тебе-то что, есть у меня долги или нет, сиди в своем протапливаемом курятнике и не высывайся».

– Слышал, Ларин? Чтобы к пятнице ни одной бумаги за тобой не было. Понял? Сам проверю.

– Понял, понял.

– Ничего ты не понял. Я это от тебя каждый день слышу. И потом, почему тебя постоянно на рабочем месте нет, почему тебя всё время искать надо? Куда ты ныряешь? И заморочки с тобой вечные. Только и слышу – Ларин, Ларин. Значит так, если до пятницы не отчитаешься – можешь искать новую работу. Ты меня со своими выкидонами достал.

– Александр Иванович, – обратился затем Мухомор к Ан-

типову, – звонили из РУВД, просят до Нового года одного человека в квартирную группу. После сходки отправляйся, поработаешь там.

– Хорошо, Георгий Павлович.

«Вот так, – вздохнул про себя я. – Шурика в РУВД бездельничать, водку жрать в квартирной группе, а другие его материалы рассматривать должны и убийства раскрывать».

После сходки я направился напрямиком в дежурку, получил телефонограмму, вернулся в кабинет и задумался.

Банщика, конечно, грохнули не из-за разбросанных презервативов и совсем не за то, что он имел задолженность по кварплате. Выстрелить в человека картечью в упор можно только за большую обиду. Не думаю, что кто-то просто испытывал боевые качества ружьишка, используя Комарова в качестве мишени. То, что он оказался в столь поздний час перед подъездом, да ещё и в домашних тапочках, тоже давало пищу для размышлений. Спустился он явно с дружескими намерениями, надеясь на ответное чувство. Но что-то там не вышло, поэтому Миша назад не поднялся, а оппонент укатил в серебристом «Опеле».

В какой же бане он имел честь служить в почётной должности сторожа? Эта задача не вызвала у меня особых проблем. Я достал телефонный справочник, свой блокнотик и. путем сличения, вычислил совпадающий телефон. Банька была на Литовском проспекте, недалеко от дома Вики. Отличный повод навестить любимую. Кстати, раз уж мне от-

писали этот материал, я имею полное право полечить свое боль-нос горло, посетив парную в рабочее время. Проведу, так сказать, разведку боем. Нет ничего более приятного, чем с мороза зайти в жаркую парилку и пошлепать веником по своему хилому организму. Ну а потом можно и насчет Комарова с кем-нибудь перекинуться, глядишь и расскажут, за что его порешили.

Я открыл один из ящиков стола, достал оттуда дежурное полотенце, мочалку и мыло, упаковал всё это в «дипломат», отметился у Мухомора, сказав, что еду работать по убийству, и вышел на улицу.

Морозный воздух, щекоча ноздри, неприятно устремился в легкие. Подняв воротник, я побежал на остановку.

Несмотря на то, что «час пик» уже, в принципе, прошел, народу было многовато, но я без проблем втиснулся в трамвай, прижав «дипломат» к груди. Трамвай, однако, не трогался. Двери с шипением пытались закрыться, потом опять раскрывались, впуская очередную порцию морозного воздуха. Повисшая на подножке дамочка отчаянно пыталась проникнуть в вагон. Водитель включил микрофон и прокричал:

«Гражданочка, давай – или туда, или сюда, не держи двери». На даму эти слова впечатления не произвели, она лишь с большей силой уперлась в широкую спину стоявшего перед ней пассажира. «Не понимает, – ухмыльнулся в микрофон водитель. – А ну, кому сказано, слазь! Дай двери закрыть, иначе не поедem». Реакция – ноль. Женщине очень не хоте-

лось возвращаться на остановку. «Ладно, – произнес водитель, – поехали, замерзнет – сама отвалится». Трамвай наконец тронулся.

Минут через сорок я был уже на Лиговском проспекте, нашёл баню, купил номер в первый класс без бассейна и, сдав в гардероб свой тулупчик, прошёл в мужское отделение.

Временем-то я особо не располагал, поэтому, погревшись в парной и поболтав с пенсионерами о политике и трудностях быта в переходный экономический период, я обсох, некоторое время понаблюдав за персоналом, купил у спекулянта бутылку пива и пошёл искать директора. Найдя его апартаменты, я постучался, зашел в кабинет и постарался широко улыбнуться.

Директором, судя по юбке и причёске, была женщина, и женщина очень симпатичная, чем-то напоминающая Шэрон

Стоун. Приятной наружности соответствовал не менее приятный голосок, прожурчавший: «Вам кого?» Я, разумеется, не стал дожидаться повторения вопроса, а посему представился, присел на единственный стул и осмотрелся.

На одной из стен висела реклама сауны, на которой был изображен здоровенный дядька, массирующий спину стройной мадам, возлежащей на полотах. Внизу имелась надпись о пользе массажа и сухого пара. Я мысленно представил себя на месте мужика и решил, что долго я б на такой работе не выдержал по чисто физиологическим причинам.

– Простите, а как вас по имени-отчеству?

– Татьяна Васильевна.

– Я полагаю, вы заведующая баней?

– Ну да, разумеется. Что-нибудь случилось?

– Да нет. Хотелось бы навести справочки об одном вашем стороже – Комарове Мише. Кто он и с чем его едят?

– Он натворил что-нибудь?

– Я думаю, что да, иначе чего ради в него стрелять из ружья?

Татьяна Васильевна резко изменилась в лице.

– Он жив?

– Не совсем. Умер в пятницу.

– А я думаю, почему он на работу не вышел, решила, что заболел.

– А в чём его обязанности заключались? Татьяна Васильевна достала из сумочки пачку сигарет и прикурила. Пальцы слегка дрожали.

– Он обычный сторож.

– А что, у вас есть что сторожить?

– А как же – киоск внутри, бар, автоматы игровые, фены, банные принадлежности всякие – бельё, мыло. В общем, много всего. Сигнализации у нас нет, в прошлом году две кражи через окна были. Вот мы и наняли сторожа. Вернее, четверых. Баня большая, охраняют ночью вдвоём. Потом другая пара. Работают через день,

– Комаров с постоянным напарником работал?

– Да, с Максимовым Серёжей. Кстати, его тоже вчера не

было. Я домой звонила, а там никто трубку не берёт.

– Ну, наверное, его тоже застрелили, – мрачно пошутил я.

– Не смешно. Я пожал плечами.

– Данные-то Максимова у вас есть? Адрес?

– Да, конечно. – Татьяна Васильевна открыла журнал и продиктовала мне адрес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.